

Роман со вкусом капучино

❧ Анна Анжанова ❧

Анна Евгеньевна Антонова
Роман со вкусом капучино
Серия «Киноколледж»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=571015
Роман со вкусом капучино: Эксмо; Москва; 2010
ISBN 978-5-699-40550-3

Аннотация

Аля разочаровалась в парнях. Эти эгоистичные бесчувственные существа могут только портить девчонкам жизнь!.. Дима, перешедший в их колледж, вроде бы вел себя иначе, но Аля все равно ему не верила. Даже когда он позвал ее поучаствовать в оригинальной игре с поиском клада, она сомневалась и не знала, как реагировать на его знаки внимания. Но когда парень упал в лесу и серьезно повредил ногу, Аля стало не до размышлений – надо было спасать незадачливого поклонника! Если бы она знала, к чему это приведет...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	13
Глава 3	20
Глава 4	32
Глава 5	40
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Анна Антонова

Роман со вкусом капучино

Глава 1

Ты не веришь в чудеса

Арбат был как Арбат. Кричащие витрины магазинов, вычурные вывески кафе, длинный забор плавно перемещающейся вдоль улицы стройки, мостовая, по которой страшно неудобно шагать на каблуках... Она идет поступать в театральное училище.

Аля тряхнула головой, словно только сейчас поняла, где и почему находится, немедленно попала каблуком в ямку и оступилась.

– Саш, осторожнее. – Дима попытался подхватить ее под локоть, но она непроизвольно отшатнулась.

– Предпочитаю, чтобы меня называли Алей, – холоднее, чем рассчитывала, ответила она.

– Извини... – смешался тот. – Просто я подумал, если Александра...

– Саша – мужское имя, – отрезала Аля. – А я – девушка.

– И очень красивая, – тут же ввернул Дима.

Аля поморщилась – комплимент не доставил никакой ра-

дости. Она уже остро жалела, что связалась с этим парнем.

Познакомились они в школе искусств подмосковного города Щербинки – Алю и ее одноклассников по киноколледжу привез туда на годовой отчетный концерт их общий преподаватель по актерскому мастерству Иосиф Петрович. Аля тогда пребывала в расстроенных чувствах – ее одноклассник Антон добился того, чтобы она в него влюбилась, а потом самым свинским образом сделал вид, что между ними ничего нет, не было и не предвидится¹. После концерта щербинцы устроили чаепитие, на котором Антон без зазрения совести ухаживал за местной роковой красоткой Катей. Ошалевшая от его предательства Аля демонстративно обменялась с Димой телефонами и договорилась вместе пойти поступать в театральное училище.

Они пока окончили только десятый класс, но на первом прослушивании никаких документов не спрашивали. Конечно – при конкурсе больше двухсот человек на место нереально зарегистрировать всех желающих! Сначала три отборочных тура творческого испытания, и только у тех, кто его пройдет, попросят документы и результаты ЕГЭ, будь оно неладно.

Она собиралась позвонить Диме назло Антону, но тот опередил ее: сам позвонил прямо на следующий день после знакомства. Аля взяла трубку, не посмотрев на определитель, и очень удивилась, услышав незнакомый голос.

– Привет, это Дима, – запинаясь, проговорил он. – Мы

¹ Подробнее читайте об этом в книге Анны Антоновой «Блюз ночного дождя».

вчера в Щербинке познакомились.

– Я помню, – коротко отозвалась Аля.

После предательства Антона любезничать с парнями она не собиралась.

– Мы договаривались в театральное училище... – начал было он, не договорил и умолк.

Аля не хотела ему помогать, но пауза затягивалась, и она все-таки спросила:

– Ты что-нибудь узнал?

– Да, – обрадовался Дима. – Посмотрел на сайте. Десятого июня первое прослушивание по предварительной записи. Могу съездить нас записать.

– Запиши, – пожала плечами Аля, хотя собеседник не мог видеть этого жеста.

В голове мелькнуло, что съездить в училище ей было бы гораздо проще – она живет в Москве, а Диме придется тащиться из Щербинки, – но предлагать свои услуги Аля не стала. Хватит уже церемониться с этими недалекими созданиями мужского пола! Месть Антону доставила бы ей больше удовлетворения, но за неимением его под рукой она отыгрывалась на новом знакомом.

– А что нужно для прослушивания? – спохватилась она.

– Подготовить чтецкую программу – несколько стихотворений, отрывок из прозы и две-три басни, одну обязательно Крылова, – как по писаному доложил Дима.

– А еще чью можно? – хмыкнула она. – Лафонтена? Или

этого, как там его, Эзопа?

– Сергей Михалков вроде писал басни, – неуверенно предположил Дима.

– Про дядю Степу?

– Нет, про дядю Степу это же не... – на полном серьезе начал объяснять он, но Аля перебила:

– Я пошутила. Ладно, найдем. – И вздохнула: – Опять что-то учить...

– А ты думала, – непринужденно отозвался Дима. – Представляешь, каково актерам, у которых главная роль в спектакле?

– Не представляю, – буркнула она. – Это все или еще что-то нужно?

Разговор по мобильному затягивался, но Диминых денег ей было не жалко.

– Ты не поверишь, – хмыкнул он. – Могут попросить продемонстрировать дополнительные способности: пение, танец...

– Слушай, а может, ну его... – испугалась Аля, но Дима успокоил ее:

– Вы разве спектаклей никаких не ставили? Сбациаешь что-нибудь оттуда.

– Песнопений у нас не было, – засомневалась Аля.

– Да ладно, вряд ли до этого дойдет, – «успокоил» он.

– А это все? – с подозрением поинтересовалась она.

– Ну... Еще могут попросить по заданию комиссии испол-

нить несложный этюд, – смешался Дима и тут же бодро затараторил: – Ну это совсем просто – этюды-то у вас точно были?

– Да, – мрачно подтвердила Аля.

Конечно, красиво было на глазах у всех непринужденно договориться с незнакомым парнем пойти поступать в театральное училище. Но теперь, когда выяснились подробности этого мероприятия, оно перестало казаться легкомысленной забавой. Теперь придется готовиться, учить стихи и прозу, а потом позориться перед комиссией... В последнем Аля почему-то не сомневалась, несмотря на то, что год проучилась в киноколледже, сыграла в двух спектаклях и несчетном количестве этюдов.

И не отступишь теперь – и ее, и Димины одноклассники непременно поинтересуются их успехами. Пускай уже начались каникулы – наверняка никто не забудет этой волнующей темы. Да и не факт, что они не встретятся до осени...

Дима в тот же вечер отчитался, что записал их на прослушивание, и Аля принялась рыться по книгам и Интернету. С басней было проще всего – берешь сборник Крылова и выбираешь. Стихотворение она взяла тематическое, как нельзя более подходящее к ее теперешнему настроению – «Сжала руки под темной вуалью» Анны Ахматовой. Разучивая его, Аля представляла, что речь идет об Антоне, и это здорово помогало настроиться на нужный лад:

Сжала руки под темной вуалью...
«Отчего ты сегодня бледна?»
– Оттого, что я терпкой печалью
Напоила его допьяна.

Было в этих внешне простых строчках что-то завораживающее и волнующее.

В качестве отрывка из прозы она выучила кусочек из любимого романа «Мастер и Маргарита», начинавшийся со слов «Тьма, пришедшая со Средиземного моря, накрыла ненавидимый прокуратором город...»

Книга «Мастер и Маргарита» напомнила об Антоне: зимой они всем классом ходили на выставку Нади Рушевой, художницы, которая умерла в семнадцать лет, и вместе восхищались ее иллюстрациями к роману Булгакова... Аля потрясла головой, прогоняя неуместные воспоминания, и снова раскрыла книгу на нужном месте. Несмотря на ритмичность и красоту слога, учился отрывок тяжеловато.

И вот Арбат как Арбат, кричащие витрины магазинов, вычурные вывески кафе... И никто не догадывается, что они не просто гуляют, а идут поступать в театральное училище. Совсем недавно, в апреле, они были тут с Антоном – тоже шли в Щукинское, на отчетный концерт первокурсников по приглашению Иосифа Петровича...

Хватит уже думать об Антоне! – одернула себя Аля. А что делать, если все, ну буквально все о нем напоминает! От того, что сейчас рядом с ней совсем не Антон, Аля злилась на

Диму еще сильнее. На нее какое-то помрачение нашло, когда она договорилась встретиться с этим совершенно чужим ей парнем!

– А что будем делать, если поступим? – как ни в чем не бывало весело поинтересовался Дима.

– Ты поступи сначала.

– А что такого? Бывают же чудеса. Всякие актеры известные любят рассказывать, как пришли поступать в театральный на спор или за компанию...

– И совершенно случайно знали несколько стихотворений, отрывок из прозы и басню Эзопа, – подхватила Аля.

– Это уже мелочи жизни, – отмахнулся Дима. – Ты что, не помнила никакого стиха наизусть? Или басни про сыр?

– Кстати, о сыре и известных актерах, – задумчиво отозвалась Аля. – Слышала я интервью какого-то профессора театрального института – чуть ли «Щуки», кстати. Его спросили, интересно ли принимать вступительные экзамены. А он ответил: «Помилуйте, что ж тут может быть интересного – с утра до вечера слушать, как вороне бог послал кусочек сыра...»

Дима хихикнул:

– Ну мы-то не будем рассказывать про кусочек сыра. Или... – Он с тревогой посмотрел на нее, и Аля поспешила успокоить напарника:

– Не будем. Я нашла самую неизвестную басню Крылова.

– Какую?

– Называется «Лещи».

– А про что там?

– Ты разве приемная комиссия? – неожиданно смутилась она.

– Да ладно, порепетируешь.

– А у тебя какая басня? – сменила тему Аля.

– Тоже самая неизвестная.

– А как называется?

– Ты разве приемная комиссия?

– Ладно, – вздохнула Аля. – Замяли. Репетировать не будем. Поздно уже. Прибережем наш пыл до экзаменаторов.

– Угу, – поддакнул Дима. – Не стоит раньше времени распылять вдохновение. – И без перехода спросил:

– А ты когда-нибудь мечтала стать актрисой?

Аля смутилась и неожиданно честно ответила:

– Да. Иначе зачем бы я в киноколледж пошла? А ты?

– И я, – с потешно виноватым видом развел руками Дима. – Иначе зачем бы я в школу искусств пошел?

Они одновременно рассмеялись, и Аля впервые со дня их знакомства подумала, что Дима не так уж плох, как она себе вообразила.

– Кстати, там еще ограничение по возрасту есть, – неожиданно сказал он.

– Ты же говорил, документы на прослушивании не спрашивают, – смутилась Аля. – На нас ведь не написано, что мы еще школу не окончили?

– Да нет, – засмеялся Дима. – По верхней границе. Девушек принимают до двадцати двух лет, юношей – до двадцати пяти.

– Ничего себе! – возмутилась она. – Что за дискриминация?

– Дефицит, как везде, – усмехнулся Дима.

Аля искоса взглянула на него и благоразумно решила не уточнять, где еще дефицит парней.

– А если кто-то пройдет три тура, а потом выяснится, что он старше? – вместо этого поинтересовалась она.

– Тогда не знаю.

– Нам на литературе рассказывали, – не унималась она, – что Шукшин в двадцать пять лет в театральное поступил и там над ним все смеялись.

– Таких, как Шукшин, или Ломоносов какой-нибудь, единицы, – философски заметил Дима. – Нелепо полагать, что это наш случай.

– Не веришь ты в чудеса, – вздохнула Аля.

– А ты как будто веришь, – отозвался Дима, и она не нашла что возразить.

Глава 2

Море обаяния

Они свернули с Арбата, и их словно невидимой стеной отрезало от шумной пешеходной улицы.

– Староколенный переулок, – прочитала Аля и хихикнула, пытаясь представить неведомые «старые колена».

В этом уютном месте со старинными особнячками мало что напоминало о современности.

– Будто в другом веке оказались, – прочитал ее мысли Дима.

Аля с подозрением покосилась на него – к чему бы эта телепатия? – но решила списать на банальное совпадение и штампы сознания.

Когда они вошли во двор училища, толпившаяся там публика подозрительно оглядела вновь прибывших.

– Ничего себе, – присвистнул Дима, разглядывая народ. – Как нас много...

– Конкурс – двести человек на место, – напомнила Аля. – И мы портим статистику.

– Да ладно, знаешь, сколько тут таких!

– Думаешь, кто-то еще развлекается поступанием в театральное? – с сомнением протянула она, но Дима уже не слушал:

– Пойду проверю, есть ли мы в списке.

– Ты же нас записал.

– Ну мало ли. А то прождем, как дураки, и уйдем ни с чем.

«Ну и хорошо», – чуть было не ляпнула Аля.

Идея пойти поступать в театральное училище внезапно перестала ее радовать. Ох, не оберутся они позора! Хотя...

Аля скептически оглядела других претендентов – неужели они хуже всех? Да не может этого быть. Все-таки не совсем дилетанты – она год в киноколледже отучилась, а Дима вообще кучу лет в своей школе искусств болтается. Значит, у него и шансов больше? Вот будет прикол, если он пройдет, а она нет...

– А что, и правда петь просят? – услышала Аля и обернулась: рядом стояли девчонки в угрожающе коротких юбках, размалеванные как куклы.

Ничего себе, девочки пришли в театральное поступать! Интересно, они ни с каким другим заведением «Щуку» не перепутали?

– На прослушивании – почти никогда, – отозвалась вторая. – Это уже потом, на втором-третьем туре.

«Ну и славно», – порадовалась про себя Аля. Пение и танцы ей толком не давались. То есть ни ухо, ни ногу ей медведь не отдал, но и особыми талантами она в этих сферах не блистала. Могла, конечно, и спеть, и сплясать, но сама понимала – средненько получается, не сказать, что гениально.

– Все равно это не главное, – продолжала первая девица,

и Аля против воли начала прислушиваться к разговору – все равно абитуриентов во дворе толкалось так много, что отходить было некуда. – Пение и танец для актера – таланты второстепенные. На прослушивании важно спеть с душой, а попадаешь ли в ноты или нет – дело десятое. Есть даже термин – актерский вокал. Андрей Миронов так пел, или, там, Харатьян. Голос и слух средние, зато обаяния море!

«Ох, ничего себе!» – приуныла Аля. Девицы, несмотря на дурацкий внешний вид, неплохо подготовились! Может, так и надо было одеваться?

– Кстати, девушкам на прослушивание желательно приходить в юбке, – заметив Алин интерес и окинув ее оценивающим взглядом, заметила вторая девица.

Ну вот, а она специально надела джинсы, чтобы не выпендриваться и не отвлекать внимание комиссии!

– Да, – вмешался в беседу какой-то парень, – но длина юбки должна просматриваться где-то в районе колена, а не...

– А парню желательно быть высокого роста, – отбрила первая девица, не дав ему закончить волнующую фразу.

– Ой, да ладно, – отмахнулся парень. – Много у нас высоких актеров!

Аля слушала и поражалась – и все эти люди хотят стать актерами. Высокие отношения!

Вернулся Дима:

– Все о'кей, мы в списке есть.

– Круто, – хмуро отозвалась Аля. Настроение успело со-

всем испортиться. – И что теперь?

– Теперь ждать, – вздохнул он.

– Долго?

– Пока не вызовут.

Словно услышав его, на крыльцо взбежал парень с футбольным мячом под мышкой, развернул какую-то бумажку и позвал:

– Товарищи абитуриенты!

Шум, как по команде, смолк, все повернулись на голос.

– Сейчас я буду вызывать по десять человек. Те, кого я назову, выходят на крыльцо, а потом идут за мной.

И парень начал громко выкликать фамилии. Пока собиралась первая десятка, во дворе стояла тишина – все боялись пропустить свою фамилию, – но как только парень увел испуганную стайку, резко зашумели голоса, будто у телевизора включился звук.

– Из десятки обычно один кто-нибудь проходит...

– И это еще хорошо, чаще всего – ни одного!

– А там хоть слушают или сразу обрывают?

– Да когда как – чаще всего долго слушают.

– А в ГИТИСе...

– Какой ГИТИС, он давно уже РАТИ называется, деревня!

Российская академия театрального искусства!

– Какая разница! Так вот, в ГИТИСе на первом же прослушивании спеть просят.

– А ты там прошел?

– Только прослушивание. На втором туре срезался...

У Али голова пошла кругом. Она почувствовала себя совсем не в своей тарелке – люди готовятся, собирают информацию, ходят на прослушивания во все театральные подряд, а они пришли дурака валять! Да их гнать отсюда надо, чтобы не тратили время занятых людей...

Аля покосилась на Диму: будь она одна, давно ушла бы. Но нельзя – что скажут и ее, и его одноклассники, узнав, что они трусили? Аля усмехнулась: а что они скажут, узнав, что они дружно провалились?

– Весело? – заметил ее улыбку Дима.

Аля хотела по привычке отбодриться, что-нибудь придумать на ходу, но потом решила: хватит уже стараться непонятно для кого и строить из себя то, чем она не является! Не нравится какая есть – ну и до свиданья! И она, недолго думая, изложила весь извилистый ход своих мыслей.

Как ни странно, Дима вовсе не начал морщиться и зевать от скуки – выслушал вполне внимательно, с серьезной миной. Але даже шальная мысль в голову постучалась: а вдруг? – но она решительно захлопнула перед ней дверь. Хватит с нее неудачных романов!

– Ну и что, – не подозревая о ее метаниях, безмятежно отозвался Дима. – Скажем: просто на разведку ходили – что и как. Чтобы в следующем году быть во всеоружии. Кстати, тут, говорят, осенью подготовительные курсы начинаются. Там актерское мастерство преподают, сценическую речь,

движение и все такое. Можно будет пойти.

– Что, мы уже всерьез поступаем в театральный? – изумилась Аля.

– Почему бы и нет? – пожал плечами Дима. – Ты думала, куда после киноколледжа пойдешь?

– Я... э... – замялась Аля.

Думать-то она, конечно, думала, но обсуждать свои планы с малознакомым парнем была пока не готова.

– Почему бы и не в театральный, – по-своему расценил ее замешательство он.

– Да, – собралась с мыслями Аля. – И правда. Тем более это ничему не помешает – прослушивания в июне, документы вообще в последнюю очередь подают... Можно, кстати, и на курсы походить.

Она пыталась скрыть за многословием вдруг напавшее на нее смущение, но Дима, казалось, ничего не замечал:

– Ну да, они по субботам-воскресеньям, значит, учебе не помешают.

– Помогут, – мрачно кивнула Аля.

Из дверей тем временем начали выходить абитуриенты первой десятки. Их тут же обступили, забросали вопросами:

– Ну как там? Комиссия не злая?

– Долго слушают?

– Вы прошли?

Смущенные парни и девчонки отделялись односложными ответами и явно спешили поскорее скрыться с глаз до-

лой.

– Неужели и мы так же улепетывать будем, только чтобы не объяснять, что не прошли? – вслух задумалась Аля.

– Да ладно, Алька, не парься, – неожиданно фамильярно отозвался Дима. – Все нормально будет.

Она грустно усмехнулась – что и требовалось доказать. Он такой же, как все.

Глава 3

«Мой милый, что тебе я сделала...»

Ожидание измотало до предела. Прошло почти три часа, а они по-прежнему сидели на низеньком заборчике, как курицы на насесте. Их все не вызывали и не вызывали.

– Степанец, – выкрикивал парень с крыльца – они уже успели узнать, что это студент, помогающий приемной комиссии.

– Степанец!

Загадочный Степанец не отзывался, и таких было немало – видимо, народ не выдерживал ожидания в нервной обстановке и разбредался по окрестностям. Или уходил совсем.

– Пойти, что ли, – вяло среагировал сидевший рядом парень.

– А ты Степанец? – оживился Дима. – Чего ж не идешь?

– Да нет, – пояснил тот. – Но на прослушивании представляешься сам, а списки никто не сверяет. Многие так делают – идут вместо тех, кого не оказывается на месте.

– А как же они потом? – заинтересовалась Аля.

– Кто не успел, тот опоздал, – пожал плечами парень, который, однако, так и не пошел прослушиваться вместо неведомого Степанца.

Студент тем временем набрал очередную десятку и увел

ее внутрь.

– Да что ж такое, – возмутилась Аля, снова не услышав своей фамилии. – Сколько можно ждать?

– Целый день, – авторитетно отозвался парень.

– Что? – в один голос поразились Аля с Димой.

Тот прищурился и оценивающе посмотрел на них:

– Первый раз, что ли?

И, когда они кивнули, снисходительно заметил:

– Понятно. Все опытные люди знают, что на прослушивание целый день нужен.

– А ты опытный? – заинтересовалась Аля.

– Я уже во ВГИКе был, в Школе-студии МХАТ, в «Щепке»...

– И как успехи?

– Пока нигде не прошел, – сразу сник парень. – Вот теперь в «Щуке» решил попробовать.

И вскинулся, заметив ироничную Алину ухмылку:

– Все равно у парней шансов больше! Девиц куча поступает, а нас мало!

Аля фыркнула и покосилась на Диму – он тоже говорил что-то в этом роде. Тот лишь пожал плечами – мол, видишь, не соврал я тебе.

– Ну и ладно, – вскочила Аля, но тут мимо них пробежал знакомый студент, на ходу вытаскивая из заднего кармана брюк смятую бумажку, при ближайшем рассмотрении оказавшуюся списком. Поднявшись на крыльцо, он развернул

его и выкрикнул:

– Голубева!

Она остановилась и беспомощно посмотрела на Диму.

– Что? – не понял он, и до Али дошло – он не знает ее фамилии.

Ничего не ответив, она отвернулась, выпрямилась и направилась к крыльцу, успев услышать в спину:

– Ни пуха!

Стоя на крыльце, она гордо смотрела сверху вниз на внушительную толпу ожидающих, как будто уже приобщилась к чему-то высокому. Сердце против воли наполнилось радостным волнением.

Студент пересчитал их по головам и махнул рукой:

– Пошли.

Аля успела заметить: несмотря на женоненавистнические прогнозы Димы и незнакомого парнишки, представителей мужского пола в их десятке оказалось примерно столько же, сколько и девчонок. Когда они гуськом вошли в просторный вестибюль, парни, расталкивая девчонок, кинулись к большому зеркалу. Аля хмыкнула – настоящие мужчины хотят стать актерами!

– Пошли, – подгонял студент, которому Аля вдруг остро позавидовала – он уже здесь учится!

И ведь наверняка не ценит своего счастья, забыл, как сам томился во дворе, ожидая очереди на прослушивание...

– Не отставайте, – поторопил парень.

Аля, очнувшись, тряхнула головой, выгоняя несвоевременные мысли, и поспешила за остальными. Ощущение восторга не проходило – будто она уже сюда поступила!

Их завели в помещение, которое почему-то хотелось назвать камерой, и рассадили на стоящие вдоль стен скамьи и стулья.

– Ой! – какая-то девчонка вскрикнула, едва не свалившись на пол – у стула подломилась ножка.

Один из парней все-таки вспомнил о своей принадлежности к мужскому полу и уступил ей место, а сам осторожно устроился на краешке трехногого стула.

– Ждите, – бросил сопровождавший их студент и вышел.

Все разом выдохнули, словно по команде «Вольно» на физре. «Как будто кого-то сюда палкой загоняли», – удивилась про себя Аля. Сама она не то чтобы не волновалась... Просто трезво оценивала свои шансы и мало рассчитывала на пресловутое чудо. Строго говоря, она вообще явилась сюда, преследуя иные цели, и вот их-то как раз достигла – Дима болтается где-то там, во дворе. Намерения относительно нее самой пока неясны, но факт его присутствия говорит о многом.

Дверь открылась, и все мигом подобрались. В класс вошла сгорбленная старушка, а следом за ней лысый молодой человек. Они сдержанно поздоровались – абитуриенты ответили нестройным хором. Комиссия уселась за стол, и старуха скрипучим голосом объявила:

– Сейчас вы будете по одному выходить на середину, громко и четко объявлять свою фамилию-имя-отчество, возраст, город и произведение, с которого хотели бы начать. Ясно?

Все подавленно кивнули – куда уж яснее. Аля испугалась, что ей говорить про возраст? Во сколько там народ школу обычно оканчивает, в семнадцать? Впрочем, у нее день рождения в июле, значит, если бы она сейчас окончила не десятый, а одиннадцатый класс, ей было бы шестнадцать... Решено, скажет, что шестнадцать. Всего-то на жалких полтора месяца приемную комиссию обманет.

– Кто хочет начать?

Начинать никто не хотел, и старуха прикрикнула:

– Так, вы зачем вообще сюда пришли?

И тогда девчонка в ядовито-розовом платье неуверенно поднялась и вышла на середину.

– Город Воткинск, – представившись, проговорила она.

– Какой? – поднял голову лысый, старательно конспектировавший ее данные.

– Воткинск, – повторила та и с достоинством пояснила: – Родина Петра Ильича Чайковского.

– Думаете, мы не знаем, где родился Чайковский? – высокомерно осведомилась старуха. И, не дожидаясь ответа, поинтересовалась: – С какого произведения хотели бы начать?

– Марина Цветаева, «Мой милый, что тебе я сделала?»

Старуха кивнула, и девчонка начала.

Жить приучил в самом огне,
Сам бросил – в степь заледенелую!
Вот, что ты, милый, сделал – мне.
Мой милый, что тебе я сделала? —

надрывалась она.

И хотя исполнение было ужасным, Аля поневоле прониклась стихами – настолько созвучны они оказались ее собственному отношению к Антону.

– Достаточно, – проскрипела старуха. – Басню.

Девчонка похлопала мелкими глазками на густо накрашенном плоском лице, неуверенно проговорила:

– Сергей Михалков, «Колос и Василек», – и умолкла.

– Ну же, читайте, – поторопила ее старуха.

– Однажды Колос умирал от жажды... – начала она и опять беспомощно замолчала.

– Не помните? – зловеще протянула старуха. – Зачем тогда явились? Я понимаю, вы волнуетесь, но надо приходиться подготовленными! Уж если идете поступать, все должны знать назубок!

Девчонка подавленно молчала и уже не делала попыток читать басню.

– Садитесь, – махнула рукой старуха. – Следующий.

Девчонка села, не зная, куда деваться от смущения – Аля ей даже посочувствовала. Не хотела бы она оказаться на ее месте! Но выучить стих наизусть – это же самое простое. Ко-

нечно, ходят всякие байки про актеров, которые вдруг забыли текст, но это явно не тот случай. На середину тем временем вышел следующий.

Слушая выступления, Аля успела заскучать: все читали примерно одинаково, никто не поразил ее воображения, и она поверила, что из десятки чаще всего не проходит никто.

Очередь наконец дошла до нее. Аля, почти не волнуясь, вышла на середину, дружелюбно уставилась на приемную комиссию и уверенно сказала:

– Голубева Александра Игоревна, шестнадцать лет, Москва. Анна Ахматова, «Сжала руки под темной вуалью...» – И без промедления начала:

Сжала руки под темной вуалью...

– Подождите, – остановила ее старуха – лысый не успел записать. Когда он наконец оторвался от ведомости, Аля снова начала читать.

Задыхаясь, я крикнула: «Шутка
Все, что было. Уйдешь, я умру».
Улыбнулся спокойно и жутко
И сказал мне: «Не стой на ветру», —

закончила она и поняла, что читала не плохо и не хорошо – так, как на уроке литературы. А этого явно недостаточно.

– Басню, пожалуйста, – попросила старушенция.

– «Лещи», – объявила Аля.

Басню про лещей она тоже прочитала до конца, благо та была недлинная.

– «С чего ты взял, что я охотник до лещей?» – закруглилась она, и ее, поблагодарив, попросили садиться.

Вернувшись на свое место, Аля вдруг поняла, что с ней все понятно и кончено – она не пройдет. На этом она успокоилась и стала смотреть выступление последнего из десятки.

– Калашников Андрей Сергеевич, семнадцать лет, коренной москвич, – объявил он.

Старухе его спич не понравился.

– Это еще что такое? – недовольно заметила она. – Надо же, коренной москвич! Вот я про себя могу сказать, что я коренная москвичка!

– Город Москва, – покорно исправился парень.

– Другое дело, – кивнула она. – Что будете читать?

– Заболоцкий, «Можжевеловый куст», – объявил парень.

Я увидел во сне можжевеловый куст.

Я услышал во тьме металлический хруст...

Аметистовых ягод услышал я звон,

И во сне, в тишине мне понравился он...

Стихи Але запомнились – было в них что-то завораживающее – и она решила на досуге почитать Заболоцкого.

– Прозу, пожалуйста.

– Мне кое-какой реквизит потребуется, – сказал парень,

метнулся к своему месту, вытащил из-под стула дипломат, поставил на середину и уселся на него боком.

– Михаил Зоценко, «Верная примета».

И начал, искоса хитро поглядывая на приемную комиссию:

– В приметы во всякие я, товарищи, не верю. Ерунда это...

– Что-то вы слишком разыгрались, – недовольно заметила старушенция, прослушав от силы абзац. – Всем спасибо, подождите снаружи.

Они выкатились в коридор и в изнеможении распластались по стенам. На лестнице тем временем слышался топот – приближалась следующая группа.

– Ну как? – спросил у Али незнакомый парень.

Она вяло отмахнулась:

– Не знаю.

– Ну хоть слушали?

– Да слушать-то слушали...

– Ну что? – доносилось со всех сторон. Это вновь прибывшие теребили уже прослушанных. – Как там вообще?

– Сейчас сами узнаете, – отзывались они.

Из двери высунулся лысый, и все мигом умолкли.

– Господа, всем спасибо, – объявил он и заглянул в бумажку: – Калашников, оставайтесь.

Счастливый обладатель дипломата недоверчиво улыбнулся и шагнул внутрь. Остальные загомонили и почему-то не

тронулись с места. Аля, ни на кого не глядя, быстро направилась к лестнице.

Она шла, глубоко погружившись в свои мысли, поэтому не сразу заметила, что местность вокруг изменилась. Вынырнув из глубины души, она заозиралась по сторонам и не узнала дорогу, которой они пришли к классу. Прекрасно, она еще и заблудилась! Не в лесу, конечно, но все равно неприятно.

– Девушка, что-то ищите? – вдруг окликнули ее.

Она обернулась – на подоконнике сидели два парня и с любопытством рассматривали ее.

– Выход ищу, – на автомате сообщила она.

– Выход из положения? – ехидно осведомился один.

– Нет, – огрызнулась Аля. – Из этого здания.

Она прибавила хода. От раздражения – вот придурки, а еще в театральном учатся! – у нее прояснилось в голове, и обратный путь вспомнился сам собой. Но когда она собиралась толкнуть тяжелую дверь, ее снова окликнули:

– Девушка!

Она обернулась и узрела парня с подоконника – к счастью, не того, который искрометно шутил про выход.

– А вы что в нашем институте делали? Поступать хотите?

Аля неопределенно пожала плечами – а что еще тут можно делать во время прослушивания.

– И как?

– Никак.

– Первый раз пробовали?

Она снова кивнула.

– Тогда ничего удивительного, с первого раза и без подготовки никто не проходит, – уверил тот. – Вот я... – начал было он, но спохватился: – Сейчас, к сожалению, нет времени рассказывать, мы экзамен сдаем. Может, встретимся как-нибудь?

Аля медлила с ответом – парень ей не очень понравился. Как ни странно, он был совсем не симпатичным: редкие светлые волосики, круглые очки, мелкие черты лица – он напоминал Шурика, героя старинной комедии про «Операцию Ы». «Для таких ролей и нужны подобные персонажи», – осе-нило Алю. Она еще раз оглядела студента: встречаться с ним не хотелось, но, с другой стороны, как она выкинет из головы Антона? Говорят, клин клином вышибают...

– Хорошо, давайте.

– Ты что, на «вы» меня назвала? – искренне развеселился парень. – Можно без китайских церемоний. Встретимся завтра здесь же... скажем, в пять. Придешь?

– Приду, – со вздохом подтвердила Аля и, когда он уже убежал, запоздало сообразила, что они даже не познакомились. Видимо, так у них, актеров, принято.

Решив не заморачиваться на этом, Аля вышла на крыльцо. Все, кто ждал своей очереди, обернулись, и она, не желая становиться объектом очередных расспросов, слетела с крыльца и понеслась к выходу со двора. Вслед ей послышалось удивленное:

– Она что, прошла?

Глава 4

Двойной капучино

Вылетев за ворота, Аля притормозила. Куда она разбежалась, а Дима? В следующей десятке его не оказалось, значит, он еще ждет... Возвращаться во двор не хотелось, но и просто так уйти было бы свинством, поэтому она нерешительно переминалась с ноги на ногу. Дима сам разрешил ее сомнения, выйдя на улицу.

– Ну как? – задал он стандартный вопрос.

Аля пожала плечами:

– Никак.

– Ну и ладно, пошли отсюда, – неожиданно отреагировал он.

– Почему? – удивилась она. – А ты?

– Да ну, – отмахнулся Дима. – Мне это на фиг не нужно.

– Зачем же тогда пошел? – с возрастающим удивлением поинтересовалась Аля.

– Чтобы с тобой увидеться, – бесхитростно пояснил он, и Аля замерла с открытым ртом.

Второй парень за сегодняшний день приглашает ее на свидание! Чем объяснить такую бешеную популярность? Что в ней вдруг изменилось, если от поклонников не стало отбоя – неужели несчастная любовь к Антону так ее переколбасила,

что она стала чем-то привлекать парней?

Дима расценил ее молчание как знак согласия:

– Куда пойдем?

– Подожди, – наконец опомнилась Аля. – Мы вообще-то уже пришли. В театральное училище, вот куда!

– Да, ну а теперь мы оттуда ушли, – бесстрастно заметил Дима. – Куда теперь, гулять? Или, может, в кафе сходим? Выпьем кофе – надо же тебе стресс снять...

– Нет, подожди! – повторила Аля. Смысл происходящего доходил до нее медленно, но верно: – Так ты специально все это подстроил? Ни в какое театральное поступать не собирался, а просто выманил меня на встречу? Ты, наверное, вообще не готовился, не учил ничего? – все больше распалялась она.

– Я учил! – возмутился Дима, словно она была учительницей, уличившей его в несделанном домашнем задании.

– Ты даже не сказал, какие произведения подготовил!

– Александр Сергеевич Пушкин, – вместо ответа громко объявил Дима. И сразу начал:

Простишь ли мне ревнивые мечты,

Моей любви безумное волненье?

Ты мне верна: зачем же любишь ты

Всегда пугать мое воображенье?

– Все, верю, – попыталась остановить его Аля, но он невозмутимо продолжал читать длинное и страстное стихо-

творение:

Окружена поклонников толпой,
Зачем для всех казаться хочешь милой,
И всех дарит надеждою пустой
Твой чудный взор, то нежный, то унылый?

Аля поневоле хмыкнула – это она-то окружена поклонников толпой?

Терзаюсь я досадой одинокой;
Ни слова мне, ни взгляда... друг жестокой!
Хочу ль бежать: с боязнью и мольбой
Твои глаза не следуют за мной.

Прохожих в переулке было мало, но она все равно не знала, куда деваться от стыда. Развернуться и уйти? Но ведь сама виновата – упрекала, что он ничего не выучил... Притом читал Дима хорошо – на месте приемной комиссии Аля без вопросов пропустила бы его в следующий тур. Так и пришлось дослушать Пушкина – а стих чем дальше, тем сильнее приобретал совсем уж интимный оттенок.

– Мой милый друг, не мучь меня, молю:
Не знаешь ты, как сильно я люблю,
Не знаешь ты, как тяжело я страдаю, —

закончил Дима.

Из-за забора училища раздались аплодисменты.

– Ты принят! – заорал кто-то.

Не вынеся этого цирка, Аля схватила его за руку:

– Пошли отсюда.

Они миновали переулок и вышли на Арбат.

– Ну что, куда? – снова спросил Дима.

Аля пожала плечами.

– Пойдем в музей-квартиру Пушкина? – удивил он.

– Продолжить тему? – усмехнулась Аля. – Извини, что-то нет настроения просвещаться. К тому же там почти нет подлинных вещей, принадлежавших поэту, – блеснула осведомленностью она.

– Откуда ты знаешь?

– Статью читала.

На это Дима не нашел, что возразить, и вернулся к первоначальному варианту:

– Тогда в кафе?

– Давай, – махнула рукой Аля.

Ей, честно говоря, было уже все равно – прослушивание и правда вымотало, убив изрядное количество нервных клеток.

– Есть хочешь? – спросил Дима, когда они вошли в кафе самообслуживания.

Аля покачала головой – она так переволновалась, что хотела только пить.

– А я бы навернул чего-нибудь, хоть и не выступал, – словно спрашивая разрешения, проговорил Дима.

Аля пожалала плечами – она разве против. Поэтому Дима взял себе салат «Мимоза» и картошку с мясом, а она – капустино и банановый торт.

Ели молча. Аля быстро заглотала кофе и теперь лениво ковыряла ложечкой сладкое – и зачем только взяла, всухомятку совсем невкусно.

– Еще кофе? – заметил ее манипуляции Дима и, не дождавшись ответа, подхватился к барной стойке.

Аля благодарно кивнула ему вслед, лениво подумав: еще недавно смутилась бы, заверила, что все о'кей, или, в крайнем случае, отправилась за кофе сама. А теперь сидит, как принцесса, и ждет, когда его принесут. Неужели она и в самом деле начала меняться? Нет, не стала обольщаться Аля, просто ее нисколько не волнует сей Дима, поэтому ей плевать, что он подумает и какое она на него произведет впечатление. Дима ей не нравился, а вот это новое настроение – очень. Значит, секрет прост: для того чтобы чувствовать себя в обществе парня комфортно, надо не быть в него влюбленной? М-да. Это было бы идеально, если бы не было так скучно...

Дима вернулся в самый драматический момент ее рассуждений, но Аля нашла в себе силы благодарно улыбнуться. Он-то ни в чем не виноват.

Аля словно посмотрела на себя со стороны: она сидит с

молодым человеком в кафе – первый раз, между прочим! – и нисколько не удивляется этому факту. Даже не радуется! А все потому, что сидеть здесь она хотела бы совсем не с Димой... И почему мы не можем влюбляться по желанию? Присмотрел приличного человека, который вроде неплохо к тебе относится, раз – и влюбился. А что, удобно. Никаких страданий-переживаний, все счастливы...

– Аль, о чем задумалась? – услышала она и очнулась от своих мыслей.

Дима испытующе смотрел на нее, и она не стала ничего придумывать:

– О любви.

– О любви! – оживился он. – Интересно. И что же ты думаешь о любви?

– Да все думаю – почему люди вечно не в тех, в кого надо, влюбляются, – решила идти до конца Аля, понимая, что ее начинает колбасить от крепкого кофе.

– А в кого надо?

– Ну не в тех, кому они нравятся, в тех, кто наоборот, – путано объяснила она, но Дима, кажется, понял.

– Если бы люди влюблялись по каким-то законам, то любовь и существовать бы перестала, – задумался он. – Когда ты управляешь своим чувством, значит, уже не отдаешься ему без остатка, а все время себя контролируешь. Какая же это любовь?

– А я читала в книге одного психолога, что это очень хо-

рошо и правильно. Первобытные страсти человека вовсе не украшают.

– А холодный расчет украшает?

– Всего должно быть в меру, – проговорила Аля. – Те, кто кончает с собой из-за несчастной любви, явно отдавались ей без остатка!

– Ну мы же клинические случаи не рассматриваем, – усмехнулся Дима. – Разве можно их в пример приводить?

– А какие можно?

– Да вот хотя бы наш, – вдруг сказал он, проникновенно посмотрел ей в глаза и положил ладонь поверх ее руки.

Аля смутилась. Прикосновение не было неприятно, но ее красноречие внезапно иссякло.

– Да не пугайся ты так, – усмехнулся Дима и убрал руку. – Я же для примера.

Аля устыдилась – у нее что, все на лице написано крупными буквами? Когда же она научится владеть собой?

– Ты мне нравишься, – тем временем запросто объявил Дима.

– Извини, не могу ответить тем же, – пробормотала она, на чем свет стоит кляня себя за то, что затеяла этот провокационный разговор.

– Я знаю, – спокойно отозвался он. – И, заметь, не спрашиваю об этом. Но раз ты со мной встретилась, пошла на дурацкое прослушивание и сидишь сейчас в кафе, значит, я тебе не совсем неприятен.

– Ну да... – промямлила Аля, не зная, куда деваться.

– Уж не знаю, кому и что ты хочешь доказать, но подозреваю, что в первую очередь самой себе.

Аля испугалась, что ее уличили в обмане, и поторопилась объяснить:

– Нет, я не...

– Ничего, я не в обиде, – остановил ее Дима. – Не бойся, у меня нет чувства, что меня используют. Ты такая милая и непосредственная, за тобой забавно наблюдать...

– Что? – вскинулась Аля.

Ну надо же, очередной урод-манипулятор! Спасибо, она уже проходила это с Антоном! Вот только сейчас, к счастью, все по-другому: и Дима ей нисколько не нравится, и сам он оказался более порядочным – сразу свои карты раскрыл, – да и она теперь кое-что понимает в колбасных обрезках... Но этот фарс тоже пора заканчивать.

– Спасибо, все было очень, – скороговоркой выпалила она и вскочила из-за стола.

– Постой, – подхватился Дима, – я провожу...

Но Аля не слушала. Только бы не увязался следом, горячо просила она про себя. Только бы не увязался и не вышла безобразная сцена...

И высшие силы ее слышали.

Глава 5

Свидание со студентом

А на следующий день Аля снова топала к Щукинскому училищу. Вчера вечером Дима оборвал ей телефон, пришлось в конце концов его отключить. Сам виноват – надо думать, что говоришь!

Идти на свидание со студентом ей тоже не сильно хотелось и, в общем, ничто не мешало этого не делать – они даже именами не обменялись, не то что телефонами! – но Аля твердо решила измениться. А для этого надо ломать себя, иначе никак. Иначе она опять забьется в свою норку и будет там страдать в одиночестве. И пусть она не ждет от этой встречи ничего хорошего: отрицательный опыт – тоже опыт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.